

Глава 8. Уголёк

Чэн Си не любил подобного раболепия, но не стал открыто возражать или сыпать обвинениями. И дело было не только в том, что он дорожил своим нынешним положением, а скорее в горьком осознании: у него не было ни права голоса, ни капли авторитета.

Когда ты лишен власти, выкрикивать неуместные лозунги — значит лишь загонять себя в ловушку. Если люди, привыкшие жить на коленях, не считают свое положение несправедливым, твои надрывные призывы превратятся в жалкий монолог в пустом театре.

Он не считал борьбу за права ошибкой — иногда для пробуждения сознания необходимы кровь и безумие. Однако сам он предпочитал другой путь: подняться к вершине, играя по правилам, а затем переписать их под себя. Точно так же он мог двадцать лет просидеть в тесной камерке среди тысяч чертежей и деталей, прежде чем совершить свой триумфальный взлет.

Одаренный гений — лишь мимолетная падающая звезда. Чтобы стать ослепительным светилом, таланту нужно приложить нечеловеческие усилия.

— Пожалуйста, подготовьте мне ужин, — вежливо попросил Чэн Си. Это было единственное, что он мог сделать сейчас.

— Слушаюсь, маленький господин, — Белла попятилась, покидая комнату, и лишь за дверью выпрямилась, тихо притворив створку.

Одно дело — сдержаться, и совсем другое — справиться с осадком на душе. Чэн Си достал из шкафа чистую одежду и вышел из спальни.

Поскольку замок был старым, при его строительстве больше заботились об изяществе архитектуры, чем о бытовом удобстве. В спальнях не было отдельных санузлов, а общая ванная располагалась в конце западного коридора.

Не успел Чэн Си сделать и пары шагов, как почувствовал на затылке чей-то липкий взгляд. Он резко обернулся — дверь в комнату наискосок от его собственной с громким хлопком закрылась.

Коснувшись кончика носа, Чэн Си лукаво улыбнулся. Развернувшись спиной к ванной, он пошел задом наперед, намеренно громко топая по паркету.

Предчувствие его не обмануло: вскоре дверь снова приоткрылась, и в щель высунулась пушистая детская макушка. Ребенок поднял голову и тут же наткнулся на смеющиеся глаза Чэн Си. Испуганно пискнув, малыш мгновенно скрылся в своей "норе".

Уныние как рукой сняло. Перестав дразнить ребенка, Чэн Си зашагал в ванную. Помещение

было огромным, разделенным на три отсека, каждый из которых был оборудован душем, бассейном и массажным креслом. Бассейн до краев наполняла теплая белая жидкость, пахнувшая парным молоком.

Ступив в теплую негу, Чэн Си удовлетворенно выдохнул:

— Твою ж налево, ну и роскошь! Сразу понятно, почему все так рвутся в богачи.

Край бассейна был выполнен в форме шезлонга с мягкими подголовниками. Откинувшись на спину, Чэн Си уставился в потолок, инкрустированный гладкой галькой, и забылся в раздумьях.

Проблема с удостоверением личности скоро решится, но что дальше? Уходить сейчас — затея сомнительная. Его знаний об этом мире явно не хватало для самостоятельной жизни, да и мехи... эта тема не давала ему покоя.

Алиса не раз упоминала, что семье нужен Омега. Способ использования очевиден — династический брак.

«Пойти под венец, значит...»

Чэн Си провел ладонью по лицу. Раньше коллеги часто подшучивали: мол, если мужчина сохранит девственность до тридцати, он сможет переквалифицироваться в мага. Судя по этим меркам, всякие мудрецы и архимаги в его глазах были просто сопляками.

«Даже как-то неловко становится».

За все двадцать пять лет своей сознательной жизни Чэн Си ни разу ни с кем не встречался. Как говаривал его наставник: «В глазах нашего Сички искорки загорались лишь в детстве, когда он впервые увидел Трансформеров».

Ему было абсолютно все равно, какого пола его потенциальный партнер — Альфа, Бета или Омега. Его беспокоил не сам факт "брака по расчету", а то, что придется обманывать ни в чем не повинного человека.

В конце концов, он был обычным землянином — без периодов течки и без способности к деторождению. Что же до семейства герцога Осмонда... тут уж кто кого перехитрит, победа останется за сильнейшим.

«Нужно найти способ свалить отсюда раньше, чем начнется эта заваруха», — Чэн Си поднялся из бассейна, смыл остатки молока под душем и направился к выходу.

Едва он открыл дверь отсека, как путь ему преградила девчушка лет одиннадцати-двенадцати с задорными кудряшками. Уперев руки в бока, она смотрела на него свысока.

Листер упоминал, что в доме живут еще двое детей. Поскольку они принадлежали к боковой ветви семьи, Чэн Си с ними официально не знакомили. Видимо, один подглядывал в щелку, а вторая решила пойти в любовную атаку.

— Так это ты тот самый бастард? — вызывающе спросила девочка.

Чэн Си, разумеется, не собирался спорить с ребенком и лишь безразлично кивнул.

Девчушка долго сверлила его гневным взглядом, а затем звонко "бросила вызов":

— Хотя ты и симпатичный, я ни за что не уступлю тебе принца Ясу!

Чэн Си опешил. Он понял, что девочка явно что-то пронюхала, и уже собирался выудить из нее подробности, но та, выпалив свою угрозу, тут же умчалась прочь.

Когда он вернулся в комнату, там уже стояла тележка с ужином. Чэн Си, погруженный в свои мысли, кое-как перекусил овощным салатом и велел Белле убрать посуду.

Много позже, вспоминая эту недоеденную тарелку салата, Чэн Си будет готов рыдать от досады.

Режим дня у Чэн Си всегда был аховым. Если его что-то увлекало, он мог не смыкать глаз по двое суток, перебиваясь случайными кусками, а из десяти утренних отметок на работе девять были за опоздание.

В моменты недомоганий он порой думал: не Бог ли наказывает его за такое издевательство над собственным телом?

Этой ночью Чэн Си мучили сумбурные сны, а под утро его буквально вытряхнул из кровати Родни. Солнце уже вовсю заливало комнату. С копной всклокоченных волос на голове, Чэн Си сонно протер глаза, зевнул и пробормотал:

— Который час?

— Восемь часов пять минут, маленький господин, — невозмутимо отозвался дворецкий.

— Ха... ха-ха... — Чэн Си выдавил кривую усмешку.

— Полагаю, нам следует немедленно приступить к занятиям.

Слово "немедленно" в понимании Родни означало "сию секунду". Спустя двадцать минут Чэн Си с тихим отчаянием взирал на шеренгу из девяти учителей, застывших перед ним.

Весь следующий месяц превратился в бесконечный цикл "учеба — еда — сон". Чэн Си, никогда не знавший школьной скамьи, наконец-то сполна вкусил все прелести жизни абитуриента перед выпускными экзаменами.

Впрочем, благодаря этой "системе принудительного впихивания знаний", Чэн Си почувствовал, что теперь, если его вышвырнут на улицу, он хотя бы не умрет с голоду в первый же день.

Когда его знания по истории Империи и общим правилам этикета достигли отметки "приемлемо", Родни смилостивился и даровал ему выходной. Чэн Си, полуживой, растянулся на перилах балкона, вглядываясь в далекие горные леса.

— Эх, был бы я птицей... — вздохнул он. — Летал бы себе по лесам, еды навалом, никакой нужды и зависимости.

И не пришлось бы плясать под чужую дудку.

Чэн Си поднял левую руку, разглядывая терминал оптического компьютера. И всё ради этой железки!

— Пшш-чу! — раздался странный звук откуда-то сверху. Чэн Си заметил мелькнувшую тень и инстинктивно вытянул руку. И, к своему удивлению, поймал.

В ладони копошилось нечто мягкое и теплое. Чэн Си с любопытством поднес руку к глазам. На ладони сидел крошечный угольно-черный комок перьев. Если бы он не почувствовал шевеление лапок, то в жизни бы не признал в этом существе птицу.

Короткий клюв, маленькие лапки — всё сливалось с цветом оперения. Даже глаза были такими темно-синими, что их едва можно было разглядеть.

Малыш, казалось, был напуган до смерти: он вытаращил свои пуговки-глаза и отчаянно затрепетал крылышками.

— Пшш-чу!

— Ха-ха-ха! Ну ты и колобок! С такой тушкой и короткими крыльями ты вряд ли взлетишь, — Чэн Си не сдержал смешка.

Похоже, "Уголёк" понял насмешку. Он яростно чирикнул. Чэн Си шутливо ткнул пальцем ему в гузку, и в ту же секунду на его ладонь приземлилась свежая, теплая порция помета.

— Э-э-э... — Чэн Си поспешно высадил птицу на перила и схватил салфетку, чтобы вытереть руку.

Он и представить не мог, что катастрофа только начинается. Уголёк, оскорбленный в лучших чувствах, яростно забил своими "бесполезными" крылышками и принялся носиться за ним по всей комнате. Птенец бомбардировал его пометом прямо на лету, не переставая верещать.

Стоило Чэн Си попытаться прорваться к двери, как пернатый мститель оказывался там первым, перекрывая путь яростным "обстрелом," клевками и царапаньем. Вид у него был такой, будто он решил биться до последнего вздоха. Чэн Си чуть не плакал от досады, поражаясь мстительности этого комка перьев и гадая, сколько же "снарядов" умещается в этом крошечном теле.

Конечно, он мог бы просто грубо вытолкнуть птицу, но дверь открывалась внутрь — одно резкое движение, и он мог покалечить нахала.

В итоге Чэн Си пришлось капитулировать: он сел в углу, накрыв голову простыней, и смиренно ждал, пока гнев Уголька утихнет. Видимо, этот жест покорности удовлетворил птенца. Он уселся на крючок для одежды за дверью и победно выкрикнул:

— Пшш-чу!

В этот момент, услышав шум, в комнату вбежала перепуганная Белла. Увидев поднявшегося Чэн Си, который успел схватить птенца как раз в тот миг, когда она распахнула дверь, она замерла. Чэн Си больно ударился кистью о дверной косяк, и на руке мгновенно расплылось сизое пятно.

Уголёк озадаченно перевел взгляд с Беллы на Чэн Си и внезапно издал на редкость миролюбивое "чу".

— Маленький господин... это... что это? — Белла застыла на пороге, пораженная беспорядком.

— Да так, немного заигрались, — Чэн Си смущенно почесал щеку. — Извини, Белла, придется тебе тут прибраться.

Белла испуганно замахала руками:

— Это моя работа! Вам лучше пойти умыться.

Вспомнив, как он сейчас выглядит, Чэн Си густо покраснел. Схватив чистую одежду и прижимая к себе маленького "преступника", он пулей вылетел в ванную.

Уголёк, вопреки ожиданиям, воды не испугался. Пока Чэн Си стоял под душем, птица кружила рядом, подставляя перышки под теплые брызги и деловито чистя их клювом.

— А ты, оказывается, чистюля.

— Пшш-чу! — Уголёк гордо выпятил грудь.

Смыв с себя грязь, Чэн Си выловил птенца, приспособил для него мыльницу, налив туда немного молока из бассейна, и поставил на бортик. Сам же он с блаженством погрузился в теплую жидкость.

— И всё-таки, сколько ни купайся, каждый раз — как в первый. Какое же наслаждение...

— Пшш... чу-у... — эхом отозвался комок перьев.

<http://bllate.org/book/17454/1657822>